

УДК 821.161.1(73)-94:159.963.3:575.113
ББК 84(7Coe)6=411.2+88.251.31
LCC PG3493.O37 P64 / BF1078 / GN281
DDC 891.73 / 154.63 / 599.935
П43

Исход из Космоса, или — от легенд к скрытой реальности бытия...

Реалистично повествовательное, по-философски и этнографически задокументированное эссе, в форме своеобразного эпиграфа к научно-академическим работам натуралистического толка и изложений автора, из разряда фиксации когнитивного опыта и феноменологического отчёта.

Давно это было — по-молодости ранней. Мне в то время лет двадцать «с хвостиком» уж исполнилось. Я тогда и не помышлял о многих вещах потаённых, и вот...

Однажды, поздно вечером вернувшись с прогулки, уставший зашёл в квартиру. Все уже спали. Не желая кого-либо разбудить или побеспокоить, не включая свет зашёл в зал. За окном висела ясная, полнолунная Луна, разливая по комнате белёсо-голубоватый свет, похожий на призрачное неоновое свечение. Воздух замер, наполнившись тишиной глубокой ночи.

Возможно, увиденное поразило бы кого-то до глубины души, но не меня — я знал, что это начало.

По всему залу струилась дымка, колыхаясь, словно волны древнего океана, и окутывала предметы мягким неоновым сиянием: она разделяла пространство по горизонтали мягким свечением дымки и окутывала диван, стол, стулья и кресла... Это также было похоже на комнату, в которой недавно кто-то курил и ввиду разности температур дым также разделил комнату по горизонтали в центре — на верх и низ.

В мыслях промелькнуло лишь одно: Сегодня я увижу своё прошлое — прошлое своих предков.

Улёгшись на диван и, погрузившись в дымку лунного света, уснул моментально.

Светлый утренний лес встретил меня чистым, напоённым ароматами свежести и лёгкой прохладой воздуха — запахом летнего разнотравья, полевых цветов и влажной земли у воды. Озеро, прозрачное до самого дна, манило своей чистотой и неподвижностью. Кожаная лодка покачивалась у берега, который не имел песчаной отмели или привычных пляжных смылов — лишь густая трава нависала над водой зелёным карнизом, словно приглашая ступить на неё и совсем не так, как часто и привычно это видеть у большинства современных водоёмов.

Лодка была тёмно-коричневой, почти чёрной, длиной в два с половиной, а то и три метра (около 12 футов) — больше роста человека с вытянутыми руками. Узкая — чуть шире двух локтей, но не более 80 см — она представляла собой каркас из длинных ветвей, связанных в местах пересечения и обтянутых кожей какого-то крупного копытного животного — как зубр, лось или олень: мехом внутрь, а снаружи натёртая жиром для защиты от воды. Мне не нужно было касаться её или исследовать — во сне я просто знал это как неоспоримый факт. Внутри такой своеобразной «пироги» или

древней ладьи — небольшое весло (около метра – метр и двадцать сантиметров), выструганное из дерева.

Прохожу босиком по низкой, совершенно нетоптаной, мягкой и пышной траве — как по ковру, — следуя в дом. На мне длинное в пол отбелённое платье из грубой ткани, вероятно, льна. На опущенных отворотах рукавов красовалась вышивка красного цвета: в один ряд переплетающихся крестов, каждый из которых напоминал древнюю свастику — символ круговорота звёздной цикличности в галактике.

Помещение было небольшим, и чистые стены — белые, словно побелённые. В углу возвышалась большая печь, сложенная по типу деревенских русских: высокая, почти до потолка. У стены стояла деревянная лавка, а под ногами простирался чистый земляной пол, тёмно-коричневого оттенка, будто из глины. По верхней кромки печи бесхитростный узор в виде волнообразно переплетающихся тоненьких зеленоватых стебельков (как выюна или льна) полевых растений с мелкими голубыми цветами. Окно...

Толщина подоконника, а точнее стёны строения, так-как выступ у «подоконника», как и самого подоконника — в привычном для нас понимании, нет; проём в стене около полторы ладони в длину или в пол локтя — не имеет чётких ровных углов и округло: видно, что сделано вручную из глины или какого-то подобного материала (мазанка). Ни стекла, ни слюды, ни пузырей из внутренностей животных, даже следа заменяющих окна и предохраняющих от холода, нет. В центре оконного проёма крестообразное приспособление (похоже, из дерева, но не уверен).

В доме нет прихожей и входя с улицы попадаешь в помещение с большой печью, но есть ещё одна комната со входом рядом с ней (возможно спальная — внимание вглубь пространства не обратил; посередине же той комнаты стоял большой деревянный ткацкий станок). Между стеной у прохода в другое помещение и печью имеется небольшой закуток, куда можно спрятаться стоя.

Внезапный шум разорвал умиротворённую природную тишину. Не раздумывая, я побежал во двор за домом. Во сне я ощущал себя иначе: это была десятилетняя девочка, помогавшая взрослым по хо-

зййству даже когда она была одна, и её мир рано повзрослевшего детства казался огромным.

Там, почти вровень с верхушкой крыши дома, напоминавшей наваленный стог сена и веток, высилась исполинская арба. С точки зрения ребёнка она казалась необъятной — раза в четыре, а то и в пять выше моего роста. Сплетённая из гибких прутьев, словно колоссальная корзина, она была обтянута выцветшим на солнце белым пологом.

Колёса этой махины — которых было всего два, но каждое выше меня с поднятыми руками — замерли в траве. Я бросился к ней, пытаюсь нащупать «калитку» в борту сзади, чтобы спрятаться. Но едва потянул за край, как на траву градом посыпались тяжёлые золотистые плоды — размером с апельсин или грейпфрут. Я не пробовал их на вкус во сне, но отчётливо видел. Слышал, как они глухо и веско стучат о землю, пока стрелы с сухим треском вонзались в плотный каркас и ткань полога прямо над головой.

Понимая, что кибитка не станет укрытием, девочка — моё древнее воплощение возможно — метнулась обратно в дом, в спасительную тень узкого закутка за высокой печью.

Мягкие шаги... Они звучали глухо, с едва слышным шорохом меха по земляному полу.

Во входной проём дома шагнул рослый, поджарый мужчина, окутанный не только «запахом» диких звериных тел. Его одежда, сшитая из грубо выделанных шкур, и сапоги, напоминающие унты мехом наружу, возможно говорили о жизни в суровых условиях, но я этой условной суровости в природе как-то не заметил. Длинные распущенные волосы спадали на плечи. Среди тёмных локонов зияло большое количество седеющих прядей. Небритое европейское лицо выражало заинтересованность и решимость. Горизонтальными рядами к одежде в области груди и вдоль рук (выше запястий и до локтей) были вплетены трубчатые кости, — служащие защитой от ударов. Он был явно неопрятен и дик. Двигался медленно и осторожно, направляясь в мою сторону — к проходу во вторую комнату.

...насилие или смерть? Жизнь... — путь из прошлого для жизни в будущем.

Долгое время было принято утверждать, что подобные ночные видения — лишь хаотичная игра нейронов, «моделирование событий никогда не отдыхающего мозга». Но мой опыт говорит о другом. Спустя десятилетия те образы, что казались лишь плодом воображения, начали обретать плоть и кровь в объективной реальности.

Удивительно не то, что мне приснилась лодка или орнамент. Поразительно то, как археологические отчеты последующих лет — с их сухими описаниями находок керамики и домашней утвари, прототипов каменных жерновов для производства муки из злаковых растений, восстановлением древних бытовых построек по найденным остаткам фундаментов, фрагментов кожаных и деревянных судов — стали шаг за шагом дублировать мои записи тридцатилетней давности. Когда же палеогенетика заговорила на языке ДНК-маркеров, круг замкнулся: биологическая память оказалась таким же надежным хранилищем истории, как и напластования земли.

Являются ли сны «архивом» нашего вида, доступ к которому открывается в моменты особого резонанса сознания? Для меня это уже не вопрос веры, а предмет междисциплинарного поиска. О том, как личный когнитивный опыт вступает в диалог с академической наукой, преодолевая догмы, подобные инквизиционным, я подробнее излагаю в своих научно-исследовательских материалах.

Р.с.: Данный текст представляет собой натуралистическую фиксацию сновидения. Особый интерес представляет феномен самоидентификации: в ходе видения автор воспринимал мир глазами десятилетней девочки. Этот «взгляд снизу» позволил зафиксировать уникальные пропорции быта: высоту арбы относительно хижин-мазанок, специфику детской одежды и детали интерьера, недоступные взору взрослого воина или охотника.

Позднее эти детали нашли подтверждение в археологических находках и генетических исследованиях. Подобный опыт подтверждает гипотезу о возможности доступа к памяти предков независимо от пола и возраста текущего носителя.

*01 Января 2008 г.
© Aleksey Pogrebnoj-Alexandroff*

Приложения

Exodus from the Cosmos, or — From Legends to the Hidden Reality of Being...

A realistically narrative, philosophically and ethnographically documented essay, serving as a unique epigraph to naturalistic academic works and the author's accounts, categorized as a recording of cognitive experience and a phenomenological report.

It was a long time ago—in my early youth. I was just over twenty years old at the time. I hadn't yet contemplated many hidden things, and then...

One evening, returning late from a walk, I entered my apartment exhausted. Everyone was already asleep. Not wishing to wake or disturb anyone, I entered the hall without turning on the light. Outside the window hung a clear, full Moon, pouring a bluish-white light into the room, resembling a ghostly neon glow. The air stood still, filled with the silence of deep night. Perhaps what I saw would have struck someone to the depths of their soul, but not me—I knew it was the beginning.

A haze streamed throughout the hall, swaying like the waves of an ancient ocean, enveloping objects in a soft neon radiance. It divided the space horizontally with the gentle glow of the mist, shrouding the sofa, table, chairs, and armchairs... It also resembled a room where someone had recently smoked; due to the temperature difference, the smoke divided the room horizontally in the center—into upper and lower halves.

Only one thought flashed through my mind: *Today I will see my past—the past of my ancestors.*

Lying down on the sofa and submerging into the haze of moonlight, I fell asleep instantly.

A bright morning forest met me with air that was pure, steeped in scents of freshness and a light chill—the smell of summer herbs, wildflowers, and damp earth by the water. A lake, transparent to the very bottom, beckoned with its purity and stillness. A leather boat rocked by the shore, which had no sandy shallows or usual beach erosion—only thick grass overhung the water like a green cornice, as if inviting one to step onto it, quite unlike what is commonly seen at most modern bodies of water.

The boat was dark brown, almost black, about two and a half or even three meters long (around 12 feet)—longer than a person with outstretched arms. Narrow—slightly wider than two cubits, but no more than 80 cm—it consisted of a frame of long branches tied at the intersections and covered with the hide of some large ungulate animal, such as a bison, elk, or deer: fur on the inside, and rubbed with fat on the outside for water protection. I did not need to touch or examine it—in the dream, I simply knew this as an indisputable fact. Inside this peculiar "pirogue" was a small paddle (about a meter to a meter and twenty centimeters), carved from wood.

I walk barefoot through the low, completely untrodden, soft, and lush grass—as if on a carpet—heading toward the house. I am wearing a long, bleached linen dress made of coarse fabric, likely flax. On the turned-down cuffs of the sleeves was red embroidery: a single row of interlacing crosses, each resembling an ancient swastika—a symbol of the cycle of stellar periodicity in the galaxy.

The room was small, and the clean walls were white, as if whitewashed. In the corner stood a large stove, built like a rural Russian *pech*: high, almost to the ceiling. A wooden bench stood by the wall, and beneath my feet lay a clean earthen floor of a dark brown hue, as if made of clay. Along the upper edge of the stove was a simple pattern of waving,

interlacing thin greenish stems (like bindweed or flax) of field plants with small blue flowers. The window...

The thickness of the windowsill—or rather, the wall of the structure, as there is no "windowsill" projection in the usual sense—is about one and a half palms long or half a cubit. The opening in the wall lacks sharp angles and is rounded: it is clear it was handmade from clay or some similar material (*mazanka*). There is no glass, no mica, no animal bladders—not even a trace of anything replacing windows or protecting against the cold. In the center of the window opening is a cross-shaped device (likely wooden, but I am not sure). The house has no hallway; entering from the street, you find yourself in the room with the large stove, but there is another room with an entrance next to it (perhaps a bedroom—I did not look deep into the space; in the middle of that room stood a large wooden loom). Between the wall at the passage to the other room and the stove, there is a small nook where one can hide while standing.

A sudden noise shattered the peaceful natural silence. Without hesitation, I ran into the yard behind the house. In the dream, I felt different: I was a ten-year-old girl, helping the adults with chores even when alone, and her world of early-matured childhood seemed vast.

There, almost level with the top of the house's roof, which resembled a piled stack of hay and branches, towered a gigantic *arba* (cart). From a child's perspective, it seemed immense—four or even five times my height. Woven from flexible twigs like a colossal basket, it was covered with a white canopy faded by the sun. The wheels of this behemoth—of which there were only two, but each taller than me with my arms raised—stood still in the grass. I rushed toward it, trying to feel for a "gate" in the side at the back to hide. But as soon as I pulled the edge, a hail of heavy golden fruits—the size of an orange or grapefruit—poured onto the grass. I did not taste them in the dream, but I saw them clearly. I heard them thud heavily and weightily against the ground while arrows pierced the dense frame and fabric of the canopy with a dry crack just above my head.

Realizing the wagon would not provide shelter, the girl—my ancient incarnation, perhaps—dashed back into the house, into the saving shadow of the narrow nook behind the high stove.

Soft footsteps... They sounded muffled, with the barely audible rustle of fur on the earthen floor.

A tall, lean man stepped into the doorway, enveloped not only by the "scent" of wild animal bodies. His clothes, sewn from crudely tanned hides, and boots resembling *untie* (fur boots) with the fur facing outward, perhaps spoke of life in harsh conditions, though I didn't notice any such harshness in the nature around. Long, loose hair fell over his shoulders. Among the dark locks, many graying strands were visible. An unshaven European face expressed interest and determination. Tubular bones were woven into his clothing in horizontal rows across the chest and along the arms (above the wrists to the elbows)—serving as protection against blows. He was clearly unkempt and wild. He moved slowly and cautiously, heading in my direction—toward the passage to the second room.

...violence or death? Life...—a path from the past for life in the future.

For a long time, it was customary to claim that such night visions are merely a chaotic play of neurons, "simulations of events by a never-resting brain." But my experience says otherwise. Decades later, those images that seemed merely the fruit of imagination began to take on flesh and blood in objective reality. It is not surprising that I dreamed of a boat or an ornament. What is striking is how archaeological reports of subsequent years—with their dry descriptions of ceramic finds and household utensils, prototypes of stone millstones, reconstructions of ancient dwellings, fragments of leather and wooden vessels—began to duplicate my records from thirty years ago step by step. When paleogenetics began to speak the language of DNA markers, the circle

closed: biological memory proved to be as reliable a repository of history as the layers of the earth.

Are dreams an "archive" of our species, access to which opens in moments of special conscious resonance? For me, this is no longer a matter of faith, but a subject of interdisciplinary search. How personal cognitive experience enters into dialogue with academic science, overcoming dogmas akin to the Inquisition, I describe in more detail in my research materials.

P.S.: This text is a naturalistic recording of a dream. Of particular interest is the phenomenon of self-identification: during the vision, the author perceived the world through the eyes of a ten-year-old girl. This "view from below" allowed for the recording of unique proportions of daily life: the height of the *arba* relative to the *mazanka* huts, the specifics of children's clothing, and interior details inaccessible to the gaze of an adult warrior or hunter. Later, these details were confirmed in archaeological finds and genetic studies. Such an experience confirms the hypothesis of the possibility of accessing ancestral memory regardless of the gender and age of the current carrier.

January 01, 2008

© Aleksey Pogrebnoj-Alexandroff

Éxodo del Cosmos, o — de las leyendas a la realidad oculta del ser...

*Ensayo narrativo realista, documentado
filosófica y etnográficamente, en forma de un
epígrafe singular para trabajos académico-
naturalistas y relatos del autor; perteneciente a la
categoría de fijación de experiencia cognitiva e
informe fenomenológico.*

Sucedió hace mucho tiempo, en mi temprana juventud. Tenía entonces poco más de veinte años. En aquel tiempo no pensaba en muchas cosas ocultas, y entonces...

Una noche, regresando tarde de un paseo, entré al apartamento agotado. Todos dormían. Sin querer despertar ni molestar a nadie, entré al salón sin encender la luz. Tras la ventana colgaba una Luna clara y llena, derramando por la habitación una luz blanco-azulada, similar a un espectral resplandor de neón. El aire se detuvo, llenándose del silencio de la noche profunda. Quizás lo visto habría impactado a alguien hasta el fondo de su alma, pero no a mí: yo sabía que era el comienzo.

Una bruma fluía por todo el salón, ondeando como las olas de un océano antiguo, envolviendo los objetos con un suave brillo de neón. Dividía el espacio horizontalmente y envolvía el sofá, la mesa, las sillas y los sillones... Parecía también una habitación donde alguien acababa de fumar y, debido a la diferencia de temperatura, el humo dividió el cuarto horizontalmente en el centro: arriba y abajo.

Un solo pensamiento cruzó mi mente: *Hoy veré mi pasado, el pasado de mis ancestros.*

Al recostarme en el sofá y sumergirme en la bruma de la luz lunar, me quedé dormido instantáneamente.

Un luminoso bosque matutino me recibió con un aire puro, impregnado de aromas de frescura y un ligero frío: el olor de las hierbas estivales, flores silvestres y tierra húmeda junto al agua. El lago, transparente hasta el fondo, atraía por su pureza e inmovilidad. Un bote de cuero se mecía junto a la orilla, que no tenía bancos de arena ni los habituales desgastes de playa; solo una hierba espesa colgaba sobre el agua como una cornisa verde.

El bote era de color marrón oscuro, casi negro, de unos dos metros y medio o tres de largo (unos 12 pies). Estrecho —poco más de dos codos—, consistía en un armazón de ramas largas atadas y cubiertas con la piel de algún gran animal ungulado, como un bisonte o un ciervo: con el pelo hacia adentro y frotado con grasa por fuera para protegerlo del agua. En el sueño, simplemente lo sabía como un hecho indiscutible.

Camino descalzo por la hierba baja y mullida hacia la casa. Llevo un vestido largo de lino blanqueado, de tela gruesa. En los puños de las mangas lucía un bordado rojo: una fila de cruces entrelazadas, cada una recordando a una antigua esvástica, símbolo del ciclo estelar en la galaxia.

La estancia era pequeña, con paredes blancas como encaladas. En la esquina se alzaba una gran estufa de tipo ruso. El suelo era de tierra limpia, de un tono marrón oscuro. Un detalle curioso: el vano de la ventana no tenía cristal ni protección contra el frío, era un marco redondeado hecho a mano de arcilla.

Un ruido repentino rompió la calma. Corrí al patio. En el sueño, yo era una niña de diez años. Allí, casi a la altura del techo, se alzaba una *arba* (carro) gigantesca. Para una niña, parecía inmensa. Al intentar esconderme en ella, una lluvia de frutos dorados, del tamaño de naranjas, cayó sobre la hierba mientras las flechas se clavaban en el armazón de la carreta sobre mi cabeza.

Pasos suaves... Un hombre alto y delgado entró en la casa, vestido con pieles toscas y huesos tubulares entretejidos en su ropa como protección. Se movía con cautela hacia la habitación donde estaba el telar de madera.

¿Violencia o muerte? La vida es un camino desde el pasado para vivir en el futuro. Mi experiencia sugiere que los sueños pueden ser un "archivo" de nuestra especie. Años después, mis visiones fueron confirmadas por hallazgos arqueológicos y estudios de paleogenética. La memoria biológica es un depósito de historia tan fiable como las capas de la tierra.

01 de enero de 2008

© Aleksey Pogrebnoj-Alexandroff

**Auszug aus dem Kosmos, oder —
von Legenden zur verborgenen Realität des Seins...**

*Ein realistisch-narrativer, philosophisch und
ethnographisch dokumentierter Essay in Form
eines Epigraphs zu naturwissenschaftlich-
akademischen Arbeiten; ein Bericht über
kognitive Erfahrung und Phänomenologie.*

Es ist lange her – in meiner frühen Jugend. Ich war damals etwas über zwanzig Jahre alt. Ich ahnte noch nichts von den verborgenen Dingen, und dann...

Eines Abends kehrte ich spät von einem Spaziergang zurück. Im Wohnzimmer goss der Vollmond ein bläulich-weißes Licht aus, das wie ein geisterhafter Neonschein wirkte. Ein Nebel strömte durch den Raum und teilte ihn horizontal in zwei Hälften. Ich wusste: *Heute werde ich meine Vergangenheit sehen – die Vergangenheit meiner Vorfahren.*

Ich schlief sofort ein. Ein heller Morgenwald empfing mich. Ein See, glasklar bis zum Grund, lag vor mir. Ein Lederboot schaukelte am Ufer – ein Rahmen aus Zweigen, bespannt mit der Haut eines Wisents oder Hirsches, das Fell nach innen gekehrt.

Ich gehe barfuß durch das weiche Gras zum Haus. Ich trage ein langes Kleid aus grobem Leinen. An den Ärmeln prangte eine rote Stickerei: ineinander verschlungene Kreuze, die an alte Swastiken erinnerten – Symbole des galaktischen Kreislaufs.

Das Haus war eine Lehmhütte (*Masanka*). Im Inneren stand ein großer Ofen, verziert mit einem Muster aus blauen Blumen. Es gab kein Glas in den Fenstern. In der Mitte des Raumes stand ein großer Webstuhl.

Plötzlich zerriss ein Geräusch die Stille. Im Traum war ich ein zehnjähriges Mädchen. Im Hof stand eine gigantische *Arba* (Karren), so hoch wie das Dach. Als ich versuchte, mich darin zu verstecken, prasselten goldene Früchte auf das Gras, während Pfeile mit einem trockenen Krachen in das Gestell des Wagens einschlugen.

Leise Schritte... Ein hochgewachsener, hagerer Mann betrat das Haus. Er trug Kleidung aus Tierfellen, in die Röhrenknochen als Schutz gegen Schläge eingewoben waren. Er wirkte wild und ungepflegt.

Gewalt oder Tod? Das Leben ist ein Weg aus der Vergangenheit für das Leben in der Zukunft. Lange Zeit hielt man Träume für ein bloßes Spiel der Neuronen. Doch meine Erfahrung zeigt: Biologisches Gedächtnis ist ein ebenso zuverlässiger Speicher der Geschichte wie die Erdschichten. Jahrzehnte später bestätigten archäologische Funde und die Paläogenetik die Details meiner Visionen.

01. Januar 2008

© Aleksey Pogrebnoj-Alexandroff